

жанры. Очерковость проникает в рассказ, повесть и даже роман. Наибольшее внимание уделялось, конечно, проблемам уральской промышленности. Здесь можно выделить две большие группы очерков: одни рассказывают о глобальных достижениях, другие - о каждодневных проблемах, о том, что было принято называть "отдельными недостатками". Самым характерным представителем первой группы был К. Лагунов, второй - Б. Вайсберг (сельскохозяйственный очерк ставил более острые проблемы, поскольку достижения в этой области были менее очевидны).

Традиционно важное место занимает в публицистике "Урала" и экологическая тема, что было связано со стремительно ухудшающимся на Урале состоянием окружающей среды. Интересным и, по-видимому, действенным новшеством было называние имен и должностей конкретных виновников складывающейся ситуации. Однако беспокойство о судьбе своего региона порой оборачивалось пренебрежением к проблемам соседей. Так, в 1977 году "Урал" выступил в поддержку идеи оренбуржца, члена-корреспондента АН СССР А. С. Хоментовского о повороте Иртыша в Каспийское море.

А. Д. Хуторянская
Новокузнецк

ПРИНЦИП САМОРАЗВИТИЯ КАК СРЕДСТВО МИРОМОДЕЛИРОВАНИЯ В ПРОЗЕ ШУКШИНА

Проза В. Шукшина принадлежит к числу литературных явлений, в которых отчетливо явлено бытийственное измерение, и потому она по праву может быть названа онтологической прозой. Этот факт стал очевидным для отечественной критики сравнительно недавно.

Мировосприятие Шукшина, художника с ренессансным типом сознания, столь органично вписавшегося в духовную атмосферу 60-х годов, пронизано ощущением фундаментальной двоичности бытия, распада всего многообразия форм бытия на парные модусы, традиционно определяемые как антиномии: добро - зло, жизнь - смерть, гармония - хаос, природа - культура, мужское - женское, свобода - несвобода...

Драматизм в ощущении жизни, свойственный Шукшину, не переходит все же той грани, за которой начинается трагическое мироощущение, уравниваясь скорее чувством, чем сознанием бесконечности и вечности бытия, способного возрождаться вновь и вновь. Вспомним, что 60-е годы были названы временем "духовного

возрождения" (Е. Вертлиб), свособразным камертоном которого стал писатель.

Основой художественного мышления Шукшина, безусловно, была его жизненная философия, выросшая на фундаменте его человеческой судьбы. Ее сущность Шукшин передал короткой фразой: "философия, которая - ...норма моей жизни, есть философия мужественная".

Человек уникального жизненного опыта, достаточно поздно, в 25 лет, покинувший деревню, но не утративший внутренней духовной связи с народными корнями, Шукшин приобщился к культурным достижениям самого высокого порядка, более того, сам стал творцом культурных ценностей. Чрезвычайно значимо при этом то обстоятельство, что писатель сумел сохранить в чистоте редкостное чувство живой жизни.

Формула, которой Шукшин передает свое восприятие жизни, биологична и точна: "Жизнь представляется мне бесконечной студенистой массой - теплое желе, пронизанное миллиардами кровеносных переплетений, нервных прожилков... Беспреданно вздрагивающее, пульсирующее, колыхающееся". Задача художника — слиться с этой «животворной массой», раствориться в ней, творить изнутри жизни — была решена Шукшиным в художественной прозе.

Философско-эстетической основой творчества Шукшина стала идея саморазвития жизни, которая не была заданной извне (социальным, культурным окружением), но была органичной для художественного сознания писателя. Эта доминанта мировидения Шукшина - художника реализуется в его литературном творчестве посредством изображения жизни, по выражению критика В. Апухтиной, "в единстве движущегося бытия".

Бытие в его двойственности, целостности и динамике — тот материал, из которого Шукшин создает собственную художественную картину мира. Организующим началом в этом процессе миромоделирования выступает принцип "саморазвития художественного мира" (термин принадлежит Н. Лейдерману) - саморазвития характеров, событий, ситуаций, действующий на содержательном и формально - поэтическом уровнях прозы.

Для художественного стиля Шукшина, писателя реалистического плана, в высшей степени характерен объективизм повествования. Такая ориентация на чужую речь, на сознание персонажа, его, а не автора, взгляд на мир, становится общей тенденцией стилевых поисков в литературе 60-х — 70-х годов.

Безличное повествование позволяет герою свободно самораскрываться. Более того, этот способ создания картины реальности дает возможность передать разные точки зрения персонажей на одно и то же событие, на мир.

При таком способе создания картины мира автор оказывается растворенным в художественной ткани произведения. Образ автора как субъекта повествования в прозе Шукшина становится едва уловимым, открыто проявляющим себя лишь в форме немногочисленных отступлений, либо в форме несобственно-прямой речи (“Дядя Ермолай”, “Микроскоп”, “Рыжий”). Художественный принцип саморазвития жизни оказывается реализованным в полной мере: характеры и сознания персонажей самораскрываются.

Сложность идентификации картины мира прозы Шукшина во многом обусловлена тем, что в новеллистике писателя существуют как сложные взаимоотношения мировидений автора и персонажей, так и диалогические отношения точек зрения отдельных героев. Картина мира Шукшина как целое есть синтез видения мира автора и персонажей, который есть нечто большее, чем простая сумма различных точек зрения на реальность.

В. В. Цуркан
Магнитогорск

ПОЭТИЧЕСКИЕ МАКРОПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ЦИКЛЕ РАССКАЗОВ Ю. ТРИФОНОВА “ОПРОКИНУТЫЙ ДОМ”

Одно из последних произведений Ю. Трифонова - цикл рассказов “Опрокинутый дом” - явление в творческой биографии писателя уникальное. Композиционную основу цикла составляет уровень глобальных обобщений, условно названный автором “разговор с судьбой”.

Единство судьбы человечества Ю. Трифонов обозначает на всех уровнях поэтического содержания. Писатель последовательно стягивает земное пространство в узкое “кольцо судьбы”, создает обобщенные образы человечества. Сюжетную основу цикла составляют “запутанные судьбы” тех, чья жизнь прошла через несколько стран и оказалась связана со многими людьми (М. Шагал, М. Маддалони, сам повествователь). В узком кольце земного пространства Ю. Трифонов видит вечное для всех времен и народов кипение страстей.

Ответить на вопрос о том, что движет судьбой человека, писатель не в силах (“человек не понимает своей судьбы в тот час, когда